

Быстроразогреваемый обед был съеден как раз к звонку на вечернюю самоподготовку.

Ли Жун мельком взглянул на пустые места Цзянь Фу и Линь Циня — те так и не вернулись. Похоже, сегодня они решили прогулять. Его до сих пор немного удивляло, что Линь Цинь сумел так легко сойтись с Цзянь Фу. Раньше тот был донельзя уступчивым и мягким, но в последнее время, видимо, окончательно раскусив прямолинейный и незлопамятный характер своего нового приятеля, начал позволять себе шпильки в его адрес или многозначительные закатывания глаз. Цзянь Фу, разумеется, и бровью не вел.

В дверях появилась Ян Фанфан. Цокая каблучками и прижимая к груди свою настольную книгу «Пусть в жизни будет меньше раздражения», без которой она не являлась ни на одно дежурство, учительница замерла. Она вздернула подбородок и со строгим видом окинула класс инспекционным взглядом.

Заметив пустующий стул, она нахмурилась:

— Где Цзянь Фу? Неужели не слышал звонка?

Одноклассники завертели головами — никто не обратил внимания, когда тот успел испариться.

Ли Жун поднял взгляд на Ян Фанфан и с самым невозмутимым видом ответил:

— Он на дополнительных занятиях.

На этапе подготовки к выпускным экзаменам многие ученики брали частные уроки у школьных или приглашенных преподавателей. Часто такие занятия накладывались на время самоподготовки, так что отсутствие пары-тройки человек в классе было делом обычным. Правда, полагалось заранее просить у учительницы разрешения.

Ян Фанфан подозрительно прищурилась:

— Цзянь Фу? На дополнительных? Его же зачислили по квоте для спортсменов, зачем ему репетиторы?

Ли Жун не смутился. Он легонько подтолкнул Цэнь Сяо локтем и невинно улыбнулся:

— Скажи ей.

Цэнь Сяо, внезапно вырванный из раздумий, лишь бросил на старосту короткий взгляд, а затем

совершенно серьезно обратился к учительнице:

— Криптографический протокол Дэна Боне.

Ян Фанфан замерла. Она ровным счетом ничего не поняла в наборе этих слов, но, чтобы не выставить себя невеждой, расспрашивать не стала.

— Ладно. Передайте ему: в следующий раз пусть предупреждает меня заранее, а не сбегает когда вздумается. Где дисциплина?

Ли Жун слегка склонил голову к соседу и едва слышно прошептал:

— Он и впрямь изучает криптографию?

Цэнь Сяо ответил так же тихо, почти не шевеля губами:

— Выдумал.

Ян Фанфан прошла к кафедре, положила книгу и, опершись руками о край стола, обратилась к притихшему классу:

— Раз уж заговорили о репетиторах... Коллеги из других классов передают, что их ученики ходят на занятия к нашему старосте, и результаты у них растут как на дрожжах. Я вам твержу из месяца в месяц: учитесь у лучших, перенимайте опыт, спрашивайте, как они готовятся, какие задачи решают. И что в итоге? Мои слова пролетают мимо ушей, а все выгоды достаются чужим. Начинайте уже общаться со своим старостой. Ли Жун, ты тоже помогай своим, слышишь?

Юноша вежливо улыбнулся и кивнул:

— Конечно. На школьном форуме до сих пор висит тема с рекламой моих услуг. Пусть поищут пост под названием «Все говорили, что это налог на глупость, так почему я слышу уже о десяти поумневших дураках?». Там всё подробно расписано.

Цэнь Сяо в это время строчил сообщение Цзянь Фу, но, услышав ответ, не смог сдержать мимолетной усмешки.

Одноклассники впали в коллективное оцепенение.

Ян Фанфан неловко кашлянула, поспешно сворачивая тему:

— Всё, занимайтесь.

Впрочем, слова учительницы напомнили старосте, что он до сих пор не дал своим десяти «клиентам» выходной.

Ли Жун быстро открыл групповой чат и отправил сообщение:

«Сегодня в общежитие приходить не нужно, есть дела».

В ответ посыпались подтверждающие эмодзи. Убедившись, что большинство уведомление прочитало, он выключил телефон.

Когда самоподготовка подошла к концу, Ли Жун собрал рюкзак и, сунув руку в карман, коснулся пальцами тюбика с мазью.

— Ты ведь еще ни разу не был в нашем общежитии?

Цэнь Сяо в этот момент доставал из парты стопку тестов. Услышав вопрос, он на мгновение замер, его веко едва заметно дрогнуло, но голос остался спокойным:

— Нет. Оно далековато от моего дома.

Ли Жун чуть склонил голову набок и, помолчав, вдруг улыбнулся:

— Но при этом ты откуда-то знаешь, что условия там приличные?

В прошлой жизни он тоже какое-то время жил в общежитии.

«Интересно, — внезапно подумал он, — знал ли об этом тогдашний Цэнь Сяо?»

Тот забросил тесты в сумку, перекинул лямку через правое плечо и поднялся. Его левая рука неподвижно висела вдоль тела.

— Об этом знают все в школе А.

Юноша задумчиво кивнул:

— А-а, вот оно как.

Путь от учебного корпуса до общежития пролегал через небольшую рощу, мимо столовой и баскетбольного зала. Идти было от силы минут десять. По дороге им встретился круглосуточный киоск, где по ночам можно было купить горячие блины, если внезапно проснется аппетит.

Фонари на территории школы горели тускло, едва освещая дорожки и замшелые ступени, засыпанные редкой, не успевшей высохнуть листвой. Ли Жун не спешил. Он шел неторопливо и размеренно — совсем не так, как в прошлой жизни, когда каждая секунда была на счету. Раньше он почти не замечал этого тусклого света, влажных стволов деревьев и разбросанных листьев. Он не привык тратить время на то, что не приносило немедленной пользы. Семейная трагедия и внезапное появление в его судьбе Цэнь Сяо заставили его стать жестче, холоднее, почти бесчувственным.

Но в этой жизни всё было иначе. Он начал находить удовольствие в деталях, которые раньше казались пустыми.

Остановившись у входа в здание, Ли Жун посмотрел на яркие светодиодные лампы в вестибюле и едва заметно усмехнулся:

— Говорят, раньше парни тайком проводили сюда своих подружек для... всяких непристойностей. Был жуткий скандал, так что теперь комендантша бдит во все глаза. Проверяют документы у каждого. У тебя пропуска нет, так что сейчас...

Он осекся и лукаво посмотрел на Цэнь Сяо. Тот тяжело сглотнул, но взгляда не отвел. Напротив, в его глазах вспыхнул опасный огонек.

— Тогда я скажу ей, что мы пришли не за этим.

Улыбка Ли Жуну стала шире. Он медленно провел кончиком языка по нижней губе и поддразнил:

— А может, лучше я скажу, что привел своего «парня»?

Цэнь Сяо на мгновение опешил, но замешательство быстро сменилось глубокой, нечитаемой ухмылкой:

— Идет.

К сожалению, их блестящие импровизации негодились. Завидев двух парней, комендантша лишь мельком подняла голову и не задала ни единого вопроса. Впрочем, никто из них не расстроился из-за сорвавшегося представления.

Оказавшись в комнате, Ли Жун повернул ключ в замке и нажал на выключатель. Цэнь Сяо

прошел мимо него вглубь помещения, уловив тонкий аромат капсул для стирки. На маленьком балконе сушились вещи.

Комната была просторной — изначально рассчитанная на четверых, теперь она полностью принадлежала Ли Жуну. В центре стоял большой учебный стол, на котором царил идеальный порядок. Видимо, именно здесь староста проводил свои платные консультации.

Ли Жун запер дверь на защелку и, обернувшись к Цэнь Сяо, скомандовал:

— Раздевайся.

Тот обернулся. Он перевел взгляд с запертой двери на засученные рукава Ли Жун и усмехнулся:

— Прости, что ты сказал?

Сцена выглядела почти комично. Ли Жун привел его к себе, первым же делом заперся и потребовал снять одежду — со стороны это походило на отчаянную попытку принуждения.

Ли Жун прислонился спиной к двери и медленно достал из кармана тюбик с мазью. Зажав его между пальцами, он произнес с легким налетом двусмысленности:

— То, о чем ты сейчас подумал, случится разве что в тот день, когда я смогу с легкостью уложить тебя на лопатки.

Увидев знакомую мазь от ушибов, Цэнь Сяо понял: скрыть травмы не удалось. На самом деле он уже пользовался лекарством, но для полного восстановления требовалось время. Он поднес руку к горловине и расстегнул верхнюю пуговицу.

— Боюсь, тогда этого не случится никогда.

Его тренировали с детства, он был закален физически, в отличие от изнеженного молодого господина, коим был Ли Жун. Для старосты превзойти его в силе было так же невыполнимо, как для него самого — обойти Ли Жуну в науке.

Юноша весело прищурился:

— Кто знает, кто знает...

Цэнь Сяо стянул куртку, небрежно бросив ее на стол, и принялся за свитер. Улыбка медленно сползла с лица Ли Жуну. Он завороченно следил за его пальцами, дюйм за дюймом созерцая

открывающееся зрелище.

Его тело было воплощением силы и гибкости: крепкий торс, мышцы пресса, которые отчетливо проступали и напрягались при каждом движении рук. У него была здоровая, чуть смуглая кожа и минимум подкожного жира — если бы не пугающие следы побоев, эта картина была бы безупречной. Ли Жун нахмурился, все игривые мысли разом выветрились из его головы.

От левых ребер до самой ключицы тянулись багрово-фиолетовые пятна кровоподтеков. Глядя на лопнувшие сосуды в районе ребер, можно было только догадываться, какую боль Цэнь Сяо испытывал в первые часы после травмы. Стало ясно, почему ему было так тяжело даже просто встать со стула.

Помимо груди, спина тоже была усеяна отметинами: ссадины, царапины, синяки. Было видно, что травмам уже несколько дней, и молодой организм изо всех сил старается залечить повреждения. Будь это прошлая жизнь, в распоряжении их исследовательской группы нашлись бы куда более эффективные средства, но сейчас приходилось довольствоваться обычным аптечным тубиком.

Он постарался вернуть голосу непринужденный тон:

— Кто же посмел так разукрасить наследника Третьего района? Им что, жизнь не мила?

— Всё не так страшно, как кажется, — буднично отозвался Цэнь Сяо. — Просто царапины.

Ли Жун промолчал. Опустив взгляд, он вскрыл коробочку и отвинтил белый колпачок. Он прекрасно понимал: останься Цэнь Сяо в Третьем районе, никаких травм бы не было. Там, под крылом отца, он занимался бы управлением торговой палаты или аудитом — работой властной, но абсолютно безопасной. У него были бы личные водители и помощники, блестящая карьера и спокойное будущее.

Зачем же он лезет в Девятый район? Неужели Цэнь Цин хочет использовать сына, чтобы укрепить влияние семьи в самых низах, или дело всё-таки в самом Ли Жуне?

Староста подошел ближе, выдавил немного мази на ладонь и внимательно осмотрел левый бок приятеля. Его пальцы, длинные и изящные, замерли в паре сантиметров от кожи. Мазь начала медленно плавиться от тепла ладони, становясь прозрачной.

— У меня холодные руки, потерпи немного.

Прежде чем коснуться его, юноша почувствовал жар, исходящий от тела Цэнь Сяо — живое, пульсирующее тепло. Он прикусил губу и плотно прижал ладонь к его ребрам.

Тот вздрогнул от неожиданной прохлады, но это ощущение мгновенно сменилось обжигающим

жаром. Он смотрел сверху вниз на Ли Жуна: тот стоял, опустив голову, его длинные ресницы подрагивали в такт пульсу, а мягкие пряди волос были небрежно заправлены за ухо — лишь несколько непослушных волосков щекотали лоб.

Кончики пальцев были холодными, как лед, но сама ладонь дарила мягкое тепло. Ли Жун действовал предельно осторожно, втирая мазь круговыми движениями, пока она окончательно не впиталась. Когда лекарство исчезло, ладонь осталась плотно прижатой к коже, и резкая боль от ушиба сменилась странным, томительным зудом.

Цэнь Сяо резко вдохнул. Не выдержав, он перехватил руку Ли Жуна за запястье:

— Ты касаешься меня так нежно... Не боишься, что я сочту это за намек?

<http://bllate.org/book/15351/1423025>